Отзыв

на диссертацию СИМОНОВОЙ ЛАРИСЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

Французская проза первой половины XIX века и проблема личного письма,

представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Предметом диссертационного исследования Л.А.Симоновой является французская автобиографическая проза первой половины Х1Х века, рассмотренная в свете концепции écriture de soi, которая давно дискутируется во французском литературоведении. Термин этот можно трактовать как «письмо о себе», но можно и как «свое письмо», «письмо от себя»; в диссертации предлагается понятие «личного письма» (о содержательных параметрах именно такой трактовки écriture de soi будет сказано ниже). Автор диссертации использует это понятие в значении «письма о себе», имея в виду произведения автобиографического характера, где отражено «личное» и создан образ «я», в котором пишущий выступает в амбивалентной роли персонажа и автора, субъекта и объекта, проявляющих себя в тексте. В литературоведении – в том числе, и в русском – сложилась традиция применять термин «личный» (personnel) главным образом к группе французских романов рубежа ХУ111-Х1Х вв., имеющих легко прочитываемую автобиографическую основу. К «личным романам» относятся «Оберман» Сенанкура, «Атала» и «Рене» Шатобриана, «Адольф» Констана, «Дельфина»Ж.де Сталь, «Лелия» и «Индиана» Жорж Санд. В общем, в этом же смысле употреблен термин «личный роман» и в работе Симоновой, и в данном отзыве я использую терминологию автора тоже в этом смысле. В диссертации Л.А.Симоновой проблематика расширена, в центре внимания стоят разножанровые произведения, в которых в той или иной степени отражено стремление писателя к собственной личностной самоидентификации. Исследовательница привлекает не только сугубо романный материал, а все автобиографические произведения названных выше писателей. К категории «личного письма» при этом подверстаны «Прогулки одинокого мечтателя» Ж.Ж.Руссо как зачинателя литературной тенденции к самоанализу и самораскрытию в процессе письма, а также мемуары, письма и дневники, заметки о путешествиях, трактаты, принадлежащие авторам «личных романов»; говорится о «личной» теме у раннего Бальзака и Стендаля. Это разножанровое «автобиографическое пространство» (термин Лежена), созданное каждым из авторов «личных романов», имеет, как и показано в диссертации, ярко выраженную индивидуальность, свою проблематику и поэтику. Автобиографическое пространство Руссо, Сенанкура, Шатобриана, Констана, Ж.де Сталь и Жорж Санд, исследованное в данной работе Л.Симоновой весьма скрупулезно, закономерно вписано ею в культуру романтизма. Материалы, содержащиеся в диссертации, добавляют во многом новые

и убедительные аргументы в поддержку концепции романтизма как кардинального преодоления риторической культурной традиции и утверждения «внутреннего человека» в качестве объекта и субъекта творчества. Диссертантка разделяет сложившееся в современном литературоведении представление о романтизме как новой и внутренне целостной художественной системе, отражающей мировидение личности, вставшей в центр познаваемого ею мира, стремящейся восстановить свою целостность, утвердить и сохранить ее в новом послереволюционном культурном пространстве. Автобиографическое творчество французских писателей начала Х1Х в. предстает в диссертации в этой связи как весьма показательный феномен.В процессе исследования автобиографической составляющей творчества этих писателей диссертантка делает ряд ценных наблюдений относительно взаимосвязи романного героя и автора, роли этического момента, диалектики рационального и спонтанно-эмоционального в личной «правде» пишущего о себе, значения вымысла (в частности представления автора о себе как о «другом»), мифов, литературы в целом и жанра романа, в частности, в процессе превращения автобиографических текстов в романтический художественный объект.

В диссерации два раздела. В первом, делящемся в свою очередь на две части, подробно освещены вопросы теории «личного письма» как высказывания автора о самом себе, как такого способа самовыражения, при котором персонаж (герой, повествователь) оказывается воплощением пишущего «я». Исследовательница здесь выступает в роли референта современной французской литературоведческой мысли, устанавливающей точки соприкосновения между личностным самовысказыванием и художественным текстом, который выходит из-под пера романиста. Такими точками пересечения являются выражающее свое личностное самосознание «я», слово как элемент языка и творимый текст. В тексте и выражается это «я», в котором оказываются запечатленными личностные (в том числе психологические) интенции его творчества, существующая в его время художественная традиция, круг идеологических (моральных, религиозных, социологических) представлений эпохи. Исследовательница разделяет такую точку зрения французской науки на художественный текст,, делая вывод, что в процессе создания автобиографического письма (écriture) устанавливается идентичность между глубинным, но еще тяготеющим к целостности в эпоху романтизма сущностным «я» пишущего и его текстом (в котором, в свою очередь, идентичны автор и персонаж), и предлагая термин «я-текст» для автобиографических произведений французского романтизма, независимо от их жанра («Пишущий отождествляет себя с персонажем,, в автобиографии устанвливается единство автора, нарратора и героя».- Автореф., с 23).

Вторая часть первого раздела диссертации посвящена определению романтической природы «личного письма»и уточнению роли в нем «литературного»(а именно «романизированного», как определяет Л.Симонова). «Все жанры «личного

письма» являются так или иначе «литературными», создаются в большей или меньшей степени по принципу романа».(...) «Слово «роман» при отсутствии четких границ между автобиографическими жанрами подходит как эквивалент определения «личное письмо» – Автореф., с. 29. 30).

Вторая, третья, четвертая, пятая и шестая главы второго раздела диссертации посвящены анализу конкретных автобиографических сочинений Руссо, Сенанкура, Констана, Шатобриана, мадам де Сталь и Жорж Санд.

«Прогулки одинокого мечтателя» и «Мой портрет» Руссо Л.Симонова трактует как продолжение традиции исповедального жанра («Исповедь») и одновременно как начало романтического «личного письма». В главе доказывается экспериментальный, «бесформенный» (по определению самого Руссо) характер письма стареющего философа: в нем есть черты исповеди, дневника и автобиографии, а также морально-дидактического и литературно-критического эссе, и элементы всех этих жанровых поэтик призваны передать прихотливое движение мысли, бесконтрольное состояние мечтательности, произвольный наплыв воспоминаний и чувств. Такая смелость экспериментатора оправдана, как доказывается в диссертации, изменением самоощущения авторского «я», восприятием его как единственного и неисчерпаемого источника пишущегося слова. «Личное письмо» приобретает у Руссо экзистенциальное значение: оно становится способом утверждения свободного сознания в усилии преодолеть все навязываемые обществом, налагаемые временем формы самовыражения. Для Руссо его слово должно быть лишенным всякой искусственности, максимально приближенным к той сути, в которой мыслитель видел изначальную, незамутненную природную данность» (Дисс., с.225). Автобиографическое творчество Руссо рассматривается в этой главе «и в свете проблемы онтологической значимости личностного бытия человека начинающейся романтической эпохи, и в свете проблемы утверждения личности посредством литературы, когда личность становится текстом, а текст – личностью»(Дисс.С.228).

В «Обермане»Сенанкура исследовательница, опираясь на ряд французских работ, устанавливающих идентичность Обермана и его создателя, видит «испытание возможностей романного жанра в выражении авторского сознания.» (Дисс. С.229). Сенанкур создал «личный роман», близкий другому жанру «личного письма» - дневнику. Согласно концепции диссертантки, роман фактически вырастает из дневника Сенанкура, который выступает в роли издателя писем некоего Обермана и комментатора, снабдившего якобы чужой текст своими суждениями и комментариями. В большую повествовательную форму романа проникает сугубо интимный дневник с его установкой на фиксацию текучей и непостоянной жизни, и изменяет саму романную конструкцию и законы романического повествования. Изменяется, раздваиваясь (даже растраиваясь), сам романный герой. Оберман лишен

четкого характера, он сосредоточен на самом себе, отчужден от «других», и на жизнь и на себя самого он смотрит как бы через написанное им же в письмах слово. И для героя романа «Оберман», и для его автора дневниковое «письмо» (бесконечная погоня за пониманием самого себя) и есть отражение жизни, но это их собственная внутреннняя жизнь, она заполнена самоанализом и постоянным усилием запечатлеть на письме рождающиеся спонтанно мимолетности их внутреннего «я»: впечатления, наблюдения, бессистемные и разрозненные мысли. Герой пишет свободно, не стесняясь соображениями объема или другими формальными требованиями, и для него эта свобода письма о себе и есть экзистенциальная свобода его как личности – и как писателя, каким он себя мыслит в будущем (Дисс. С.243).

В главе о Шатобриане диссертантка выделяет символическую составляющую его автобиографического творчества, считая, что символические и мифологические образы придают его трактатам,мемуарам и романам эпический размах, проецируют факты его судьбы на судьбы поколения и образ эпохи в целом. Романтическое «я» его автобиографических произведений (герой-страдалец, внутреннее «я» которого странно и непознаваемо) вписывается Шатобрианом в широкий контекст вселенского горестного бытия, общечеловеческого томления по бесконечности и божественной благодати. «Замогильные мемуары» добавляют в этот вселенский мифологический контекст черты историчности. Все это позволяет диссертантке сделать вывод о воплощении в «личном письме» Шатобриана парадигм культурного сознания его эпохи.

В автобиографическом творчестве Б.Констана Л.Симонова выделяет основную романтическую тему – трагическую неосуществимость мечты о счастье. Рассматривая автобиографию «Моя жизнь», три «личных романа» Констана и его дневники, диссертантка выделяет в них тематические и образные константы, свидетельствующие о внутреннем единстве его «личного письма», в котором автор запечатлел свое прочтение собственной жизненной «истории».В романе «Адольф» синезированы не только ключевые смысловые элементы других автобиографических текстов писателя, но и новые качества романной формы, преодолевающей фрагментарность дневника и придающей письму о себе жанровую структурированность, композиционную упорядоченность романа.

В главах об автобиографической природе романов Ж.де Сталь и Жорж Санд диссертанткой рассмотрены особенности романизации личных любовных переживаний этих писательниц. В героинях «личных романов» мадам де Сталь «Дельфина» и «Коринна» просматривается сама де Сталь,, ее страстный и бескомпромиссный характер, ее философия исключительной любви-страсти, ее восторг перед героическим и возвышенным. Преобладание монологического дискурса в ее романах роднит их с исповедью, в которой раскрывается и объясняет себя ее

двойственное - слабое женское и активное героическое творческое начало. В то же время этот монолог-исповедь вписан в жанровые рамки любовного романа, что подразумевает специфическое построение ее личных романов как последовательно разворачивающейся жизненной истории, в которой играют роль не одни только субъективые эмоции,но и различные социальные и духовные ценности и четкие моральные постулаты. «В личном письме де Сталь отчетливо наблюдается, как из любви – чувства, которое непрерывно переживает пишущий, - вырастает целая философия (представление об энтузиазме, христианской вере, историческом развитии, героике смерти – все это является общим для автора и героя в романах де Сталь). Совпадение автора и героя прослеживается как на идейно-мировоззренческом и образно-стилистическом уровне, так и в самом характере «письма о себе», который есть общий для автора и героини процесс самоопределения и жизнестроительства» (Автореф., с.38).

Обращение к ранней переписке Жорж Санд показывает, что между нею и романным творчеством писательницы нет существенного разрыва: в письмах ее формируются те мотивы, конфликты, сюжеты,, которые будут развернуты в романах Жорж Санд в 30-и 40-е годы. В письмах, дневниках, записках о путешествиях, романах и автобиографии Жорж Санд автор диссертации усматривает взаимодействие и взаимозависимость «личного», чуждающегося готовых формул, и «литературного» начал. В работе Симоновой говорится о роли тех литературных образцов, в центре которых находилась неординарная личность, отстаивающая свое право на счастье, вынужденная преодолевать враждебность окружения и давление моральных условностей. Неизменно мысля себя героиней некоего любовного романа, Жорж Санд во всех автобиографических сочинениях (так же как и ее героини Валентина, Индиана, Консуэло) будет стремиться к идеальной гармонии «я» и мира, ставить себя в центр многократно освоенного романтической литературой конфликта страсти и морального долга, одухотворенных стремлений к идеальному и низменной повседневности, собственной душевной тонкости и душевной глухоты «других». Но диссертантка подчеркивает, что все это «книжное» стало для писательницы «своим», она сделала его сущностью своего «личного письма», своего романтического видения жизни, и воспринимала его как «настоящее», как залог того, что самая повседневная правда ее внутреннего «я» отольется в литературно отшлифованные романтические формы «приятного и нового», то есть будет воспринята «другими» как занимательное и интересное.(Дисс. С. 410).

В целом диссертация Л.Симоновой представляется интересной попыткой осмыслить с современных теоретико-методологических позиций изучения текста существенный феномен французской романтической культуры – автобиографическую литературу в единстве и многообразии ее жанров, в ее живом взаимодействии с другими жанрами романтического письма. Автор исследования освоил и

систематизировал богатый и в нечасто привлекаемый литературоведением «личный» материал – письма писателей, их любовную и дружескую переписку, их интимные дневники, наброски биографий, давно позабытые романы с автобиографическим содержанием. Все это вкупе с известными, давно и разносторонне освоенными наукой романами, имевшими общемировой резонанс и определившими лицо европейского романтизма, дает диссертантке основания для постановки проблемы «своего письма» в романтической культуре Франции и романтизме как таковом. Обоснованным представляется стремление диссертантки привлечь для анализа этого явления работы французских ученых, где теоретически осмысляется феномен «своего» в художественном тексте. Благодаря всему этому работу Л.Симоновой можно отнести к тому типу научных изысканий, новизна которых заключена в освоении и предложении некоторых современных методологических подходов к решению большой комплексной проблемы художественности письма – в данном случае, письма романтического – к уточнению его параметров историчности, общекультурной, национальной и индивидуальной природы. Добавим, что автор работы уже давно занят именно этой проблематикой: об этом свидетельствуют три монографии диссертантки о личном романе во Франции начала Х1Х в. , ее многочисленные журнальные публикации. Содержание диссертации кратко (хотя, думается, излишне схематично) изложено в автореферате. Библиография диссертации насчитыает 665 позиций.

Разумеется, в большой работе с теоретическим замахом всегда можно найти и недостатки, в данном случае они являются продолжением ее же достоинств.

1. Автор стремится освоить и ввести в обиход нашего сегодняшнего литературоведения ряд теоретико-методологических концептов из современной французской литературоведческой мысли о художественном тексте. Перед диссертантом как исследователем автобиографического французсого романа закономерно встает задача определить свою позицию по отношению к теоретическим принципам французской школы. Это требует от диссертанта очень точной, продуманной прорисовки всего объема концептов, которыми оперирует эта школа. Отчасти эта задача в работе Симоновой выполнена. Однако и понятие «письмо», и особенно русские эквиваленты, использованные ею для терминов «écriture de soi, écriture du Moi» (стараясь разрешить проблему персональности художественного текста, французы противопоставляют их понятию «обычного письма» - écriture ordinaire,) не освещают всего объема, ими подразумеваемого. Термин «личное письмо» представляется мне особенно неудачным, вызывает на тривиальное возражение: художественный текст всегда личный (то есть персонально окрашенный), всегда сделан в своей манере, «от себя». Думается, в применении к чисто автобиографическому материалу лучше применить определение

«письмо о себе». Однако при его употреблении тоже встает проблема: что и в какой мере сам жанр романа (а диссертанка пишет именно о романах) допускает «личного», насколько он меняется под его влиянием. Термин «личный роман» тоже в этом плане сомнителен: употребляя его, автор исходит из уравнивания автора и героя и отрицания роли вымышленного в образе «я», «я» романа получается всегда идентичным «я» автора, а значит, не допускается, например, такой элемент художественности, как стилизация «я» под «другого». В анализе романов Шатобриана, Констана, Сенанкура и др . этот аспект снят, хотя сам термин «личный роман» его предполагает. Полагаю, что Симоновой следовало бы подумать о понятии «роман о личности» или «личностный» как эквиваленте франц. «roman personnel» (хотя момент двойственности понятия personnel французы, вероятно, учитывают, а диссертантка всех возможных значений «о личности, личностный», на мой взгляд, все же не учитывает).

2. В первом разделе диссертации принцип цитатности и реферативности доминирует над моментом научной оценки и утверждения собственной позиции автора диссертации по отношению к излагаемым теоретическим положениям. Представляется, этот теоретический по замыслу раздел, в котором сейчас много повторов, выиграл бы от более авторски обоснованной и, главное, укрупненной систематизации материала, нежели та, которая сейчас предложена в работе Симоновой. Целесообразно было бы сконцентрировать изложение теорий персонального письма вокруг наиболее репрезентативных фигур (напр.,Лежена).

3. Автор привлекает только работы французских исследователей в процессе своего анализа конкретного литературного материала и при определении его романтической природы. В диссертации названо вскользь несколько имен русских литературоведов, названия нескольких работ фигурируют в библиографии. Плохо понятен принцип отбора этих работ (не названы, например, важные работы Т.В.Соколовой о личном романе у Сенанкура и Констана, работы Кафановой о Жорж Санд). Думается также, что диссертация только выиграла бы в утверждении своей научной обоснованности, если бы автор выкроил в своем весьма объемном труде место для своей оценки сделанного в России для изучения французского автобиографического романа, для изучения принципов автобиографической литературы вообще и для построения современной концепции романтизма как культурной эпохи. Содержательность работы повысилась бы, если бы автор определил свою позицию по отношению к методологическим и теоретическим позициям таких отечественных исследователей автобиографического письма, как .Гречаная, Караева, Тартаковский, Сутаева, Егоров, Богомолов. А также для более понятного и конкретно обоснованного определения своего отношения к

достигнутому современным литературоведением (и не только русским) в сравнительно-типологическом исследовании специфики романтической картины мира в целом; в частности, в ставших классическими трудах А.В.Михайлова, А.В.Карельского (многие из них даже не фигурируют а библиографии). Добавлю, кстати, что опора на некоторые русские труды по истории и теории повествовательных жанров, и в первую очередь – романа, (напр., на работы Е.М.Мелетинского), могла бы существенно прояснить такой употребляемый часто в работе Симоновой термин, как «романизация», «романность»: осталось неясным, какой именно тип и какие конкретно признаки жанра романа диссертантка имеет в виду, говоря о процессе романизации автобиографической прозы таких разных (в том числе и в хронологическом отношении) авторов, как Сенанкур, Шатобриан, Констан, Де Сталь, Жорж Санд.

4. В аналитической части работы Симоновой недостаточно учтен фактор современного названным романистам культурного и литературного контекста, влияния на них культурной атмосферы эпохи романтизма, ее идеологических и художественных приоритетов. Думаю, при анализе автобиографической прозы эпохи этот угол зрения тоже важен. И опора на труды сравнительно-типологического профиля могли бы компенсировать этот недостаток: в частности, новизну исследования усилило бы указание в нем не только на давно попавший в научный объектив литературоведов принцип романизации жанров автобиографии, дневника и т.д., но и принцип их драматизации, чья роль возросла в связи с новым в эпоху романтизма пониманием драматического (трагедийного начала у Шекспира, у Гете и Шиллера, в частности).Не случайно, наверное, Жорж Санд, которая как раз явно моделировала свое «я» по законам драмы в переписке со своими корреспондентами, сравнивала и героев своих современников с Гамлетом...

5. В диссертации и автореферате проводится мысль, что изучение способов персонализации письма (дискурсивного выражения «я», как сказано в Автореферате) является новым подходом к определению специфики романтизма и всего литературного процесса Х1Х в. В этой связи автору надлежало бы прямо и доказательно сформулировать, чем конкретно ее анализ форм самовысказываний французских писателей начала Х1Х в. обновляет сформировавшееся в современном литературоведческом обиходе (см. п. 3 настоящего Отзыва) в целом представление о специфике романтического видения и познания мира. На мой взгляд, речь скорее идет о поиске, предложении и обосновании довольно новых теоретико-методологических принципов подхода как к отдельным аспектам

романтического дискурса, так и к более общей теоретической проблеме природы художественного языка.

Такое прочтение работы Л.А.Симоновой, сформулированное в п.5, уже позволяет квалифицировать ее как существенное, хотя и не лишенное некоторых недостатков научное достижение и как один из дополнительных и, как представляется, плодотворных шагов в разработке системного подхода к решению актуальной научной проблемы художественности как таковой. Именно в таком качестве работа Л.А.Симоновой может быть признана научно-квалификационной работой, соответствующей требованиям Пункта 9,10 Положения о присуждении ученых степеней. Автор диссертации заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03.

Елена Юрьевна Сапрыкина,

доктор филологических наук, ведущий

научный сотрудник Института мировой литературы РАН

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
ГЛ. СПЕЦИАЛИСТ
ИМЛИ РАН
Н.И. ШАБАНОВА

Сапрыкина Елена Юрьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
Почтовый адрес (рабочий): 121069 г. Москва, ул. Поварская, 25а.
Почтовый адрес (домашний): 119415 г. Москва, ул. Удальцова, д. 10, кв. 140.
Телефон: 8(495)131-63-98.
e-mail: esaprykina@yandex.ru
Публикации:
1. Сапрыкина Е.Ю. Введение. Восемнадцатый век в литературе Италии // История литературы Италии. Т. 3. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 329 – 351.
Сапрыкина Е.Ю. Раннее Просвещение // История литературы Италии. Т. 3. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 371 – 392.
2. Сапрыкина Е.Ю. Ломбардское Просвещение. Джузеппе Парини. Витторио Альфьери. Предромантизм // История литературы Италии. Т. 3. – М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 536 – 634.
3. Сапрыкина Е.Ю. Итальянский романтизм в его основных концептах. – М.: ТУЗАУРУС, 2014. – 312 с.
4. Сапрыкина Е.Ю. Первый страдающий герой в итальянском романтизме и пути его идентификации // Мир романтизма. Т. 17 (1). – Тверь, изд-во ТГУ, 2014. С. 52 – 61.
5. Сапрыкина Е.Ю. «Воля» и «свобода» в русском и западном романтических контекстах // Обретенное время. Памяти А. Михайлова. – М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 237 – 250.